

Юдит Мор

ГОРОД МАГОВ и ВОРОВ

Москва
2026

*Ули и его галльскому духу,
который пробуждает магию*

1

Врать не буду, ещё ни разу в жизни мне не было так страшно. Я будто насквозь пропах этим страхом. Впрочем, остальным было не многим лучше. И все мы думали об одном: только бы погода была хорошей, только бы пришло побольше покупателей.

Но было прохладно, и я мёрз, стоя без рубашки в одних только штанах со связанными за спиной руками. В помещении, где мы ожидали, было мрачно и пахло затхлым. Утрамбованный глиняный пол, грязные стены из серого, блестящего от сырости, грубо отёсанного камня. Скупой свет проникал через две узкие оконные прорези под самой крышей. Всякий раз, когда открывалась входная дверь, снаружи задувал холодный ветер. Для каждого из нас эта дверь открывалась только дважды. Первый раз, когда входил тюремщик и накидывал следующему в очереди петлю на шею. И второй раз, когда выводил его наружу.

Что ожидало нас снаружи, я знал только понаслышке. У нас было всего лишь две возможности, и каждая из них выпадала один-единственный раз в жизни.

Мои шансы были довольно туманны, и от этого сердце стучало в висках, а желудок болезненно сжимался.

Я был воров-карманником, который попался уже дважды. Когда вора хватают в первый раз, его бьют кнутом во дворе полицейского управления и отпускают. Со мной такое случилось год назад. Двенадцать длинных шрамов на спине зудят всякий раз, как я вспоминаю об этом. Поймав вора, полицейские перво-наперво снимают или, особо не церемонясь, срывают с него рубаху. По шрамам на спине сразу понятно, что к чему. Во второй раз вора ждало так называемое тщательное судебное разбирательство. Курам на смех! Пятерых из нас просто выволокли из камеры и под конвоем полицейских с дубинками погнали по коридорам прямо в зал суда. Это было высокое, полукруглое помещение с восходящими рядами скамеек и длинным, грубо сколоченным чёрным столом, за которым со скучающим видом сидели трое. В центре — судья в парике и длинной чёрной мантии. У него были дряблые обвисшие щёки и мешки под глазами. Парик съехал набекрень, а на мантии виднелось большое пятно. Он грыз печенье и потягивал чай, когда нас ввели. Секретарь, сидевший от него по правую руку, от души зевнул. Редким зрителям, за исключением разве что одного, мы, кажется, тоже были неинтересны.

— У всех воровство? — спросил судья комиссара полиции, возглавлявшего нашу процессию.

— Так точно, господин судья! — по всем правилам отчеканил комиссар и протянул секретарю

пять документов. Наши полицейские протоколы. Несколько каракулей на дешёвой коричневатой бумаге. Судья скользнул по нам скучающим взглядом.

— Петля или аукцион, — промычал он, откусывая печенье, и ударил своим деревянным молотком по столу. И на этом всё. Секретарь тиснул печать в каждый протокол, и нас повели назад в камеру, в глубокое тёмное чрево тюрьмы. «Тщательное судебное разбирательство» заняло не больше двух минут.

Читать я не умел, но, даже не видя своего протокола с печатью, прекрасно знал, что там написано. «А/В». Есть четыре буквы, которые знает каждый вор. «П» — значит «полиция», или вóроны, как мы, воры, их называем из-за мундиров тёмно-синего цвета. «А/В» означает «аукцион или виселица», которые ожидают любого вора, попавшегося дважды. И есть ещё буква «Р». К этому мы придём чуть позже.

Когда дверь камеры приоткрылась в следующий раз, мы на мгновение слышали громкий голос: «Кто предложит больше?» — и она снова захлопнулась. Я невольно выдохнул. Значит, снаружи есть какие-то покупатели. Заключение, которых не купили на аукционе, отправлялись прямиком на виселицу. Если на улице было ненастье и покупатели не пришли, то в петле могли закончить все, кто находился в камере. Но обычно это касалось лишь тех, кого никто не хотел брать. Я же был молод, здоров и имел хорошие шансы. А вдруг я слишком молод? От закравшегося сомнения меня бросило в пот, несмотря на жгучий холод.

Под конец в чистилище — так заключённые прозвали эту камеру ожидания — нас осталось только трое. Дверь приоткрылась, и рослый уса-тый стражник решительно подошёл ко мне. Кто-то из вошедших передал ему висельную петлю, которую он накинул мне на шею. Пришла моя очередь. Когда он потянул за грубую верёвку, петля затяну-лась на горле, и я, спотыкаясь, поковылял за ним наверх по ступеням в открытую дверь, прямо на-встречу неотвратимой судьбе.

Оказавшись снаружи, я заморгал, дожидаясь, пока глаза привыкнут к свету. Тюремный двор был ограждён высокими стенами из серого камня, кото-рые в лучах низкого солнца ранней осени отбрасы-вали длинные тени на покупателей. Колокола церк-ви Святого Лазаря прозвонили пять раз, и вслед за ними тихо, словно эхо, отозвались колокола дру-гих городских церквей. Кто-то мне говорил, что звук колоколов приносит умиротворение. Но для меня их металлический перезвон означал лишь одно: через несколько минут моя мелкая, жалкая жизнь радикально изменится. Или оборвётся навеки.

Я стоял на чём-то вроде небольшого деревянно-го помоста в блёклом свете осеннего солнца и дро-жал на холодном ветру. Хотя, возможно, я трясся совсем не от холода, а от охватившей меня паники. Прямо перед помостом за небольшой конторкой находился полицейский, который, видимо, и вёл аукцион.

— Молод и здоров! — как раз прокричал он, обращаясь к собравшимся мужчинам. Их было

семеро. Уже неплохо. Те, кто купил заключённых передо мной, наверняка уже ушли, а нас оставалось ещё трое. С другой стороны, обольщаться тоже не стоило. Я знал, что многие приходили на аукцион, только чтобы поглазеть на казнь. — Из него выйдет хороший, послушный и работающий раб!

Стоящий рядом со мной охранник тут же потянул за верёвку, и я, споткнувшись, сделал шаг вперёд. Кто-то из зрителей засмеялся. Я был для них товаром и клоуном в одном лице.

— Начальная цена за него — двадцать талеров, — продолжал аукционист. — Кто даст двадцать талеров?

Низкорослый мужчина с хмурым лицом вскинул руку так, что его зелёного цвета пальто задралось вверх. «Я предлагаю двадцать!» — хрипло прокричал он. Во мне проснулась надежда, что я смогу избежать виселицы, хотя, судя по виду, этот мужчина со скрипучим голосом даже отдалённо не подходил на доброго хозяина. У меня свело желудок. Некоторые старые воры были твёрдо убеждены, что смерть на виселице порой лучше некоторых хозяев. Но я не хотел этому верить. Выдержав долгие недели в тёмной, душной темнице, я снова стоял на воле, вдыхая прохладный свежий воздух, и просто не мог представить, что впереди меня ждёт что-то страшнее смерти.

Справа, чуть поодаль, поднял руку ещё один покупатель в высоком чёрном цилиндре и дорогом чёрном пальто.

— Двадцать пять, — сказал он. Первый покупатель с хмурым лицом снял с головы измятую шляпу и, почесав в редких волосах, прохрипел:

— Двадцать шесть талеров!

Я видел, как представительный господин в цилиндре тоже поднял руку, но не смог разобрать, что он сказал, потому что в этот момент справа раздался душераздирающий крик, от которого у меня перехватило дыхание. Правее от помоста, где я стоял вместе со стражником, повалил дым из жаровни, когда сильный, похожий на кузнеца мужчина в кожаном фартуке сунул обратно в раскалённые угли клеймо с буквой «Р». «Р» означает «раб». А кричал только что проданный с аукциона заключённый, которому выжгли метку, указывающую, кем он будет до конца своих дней: бесправным рабом, отданным на милость своего господина. Возможно, он целый день до изнеможения будет работать в порту или таскать тяжёлые пыльные мешки с мукой на мельнице перед городскими воротами.

Может показаться, что разница между грузчиком и рабом не так уж и велика. Оба целый божий день таскают ящики, мешки и прочие грузы в порту. Но портовый грузчик сам свободен выбирать, где ему жить, с кем проводить время, с кем общаться, а с кем нет. Он может покинуть этот проклятый город, когда захочет. А вот раб...

Я оцепенел от ужаса перед болью, которую мне предстоит испытать, но тут мой взгляд зацепился за сооружение, располагавшееся за жаровней. В самом углу тюремного двора стояла виселица. На ней

взад-вперёд мерно раскачивалась одинокая скрюченная фигура. Меня словно молнией ударило. Это был Йо. Горбатый Йо. Впрочем, горб — это громко сказано. Йо был страшно сутул, что сразу бросалось в глаза, и его походка выглядела тяжёлой и кособокой. Я знал его. Он тоже был членом гильдии. Поразительно искусный вор. Однако никто не захотел себе такого раба, и теперь его тело качалось туда-сюда, как сухой осенний лист, пока два стражника снимали его с виселицы.

Но долго думать о Йо не пришлось. Стражник стянул меня вниз с помоста. Мой аукцион был закончен. Краем глаза я видел, как господин в высоком цилиндре отсчитывает аукционисту золотые монеты и взамен получает какой-то документ. Городские власти Парнаса неплохо зарабатывали на продаже таких нежелательных элементов, как мы, в рабство.

Не успел я оглянуться, как стражник толкнул меня вперёд, и я упал голым торсом на наклонную деревянную скамью. Он так крепко прижал меня к ней, что я не мог пошевелиться. Резкий запах ударил в нос, и меня сразу замутило. Силач в кожаном фартуке и в толстых кожаных перчатках уже держал наготове раскалённое клеймо с буквой «Р». Он вопросительно взглянул на моего покупателя. Тот в ответ коснулся пальцем своего предплечья. Это было великодушно. В городе я видел множество рабов, которые носили клеймо на лбу, щеках или шее.

Похожий на кузнеца кивнул и обернулся ко мне. Если б в желудке было хоть что-то, меня бы

непременно вырвало. Я закрыл глаза и постарался подготовиться к тому, что сейчас произойдёт. Однако ничто не могло сдержать мой крик, когда сперва левое предплечье, а потом и всё тело пронзила ослепляющая жгучая боль. И, как бы громко я ни кричал, я слышал, как шипит моя кожа под раскалённым железом, и вдыхал отвратительный запах своего палёного мяса. Всё было кончено за два удара сердца, но мне показалось, что прошла вечность.

Боль, пульсируя, разливалась от предплечья по всему телу, я даже не заметил, как стражник поднял меня и подтолкнул вперёд. Мы остановились перед господином в чёрном цилиндре. Стражник сунул ему в руку конец моей верёвки, и мой хозяин вывел меня, как какую-то скотину, через тюремные ворота на улицу.

2

Ябыл словно в тумане, рука горела, а мысли были вязкими, как мёд. Мы шли по широкой улице. Встречные прохожие не удостаивали меня даже взглядом, куда более их занимал мужчина в цилиндре и дорогой одежде. Он повёл меня вверх по улице, потом свернул в маленький неприметный переулок и, пройдя пару шагов, остановился, отпустил верёвку и обернулся.

— Давай-ка поглядим, — пробормотал он. Потом потёр друг о друга кончики пальцев и прошептал что-то, что я не разобрал. В тот же миг между его пальцами вспыхнули голубые искорки. Я невольно отпрянул назад. Мой господин оказался магом!

— Стой смирно! — приказал он. Кончики его пальцев были окутаны голубым светом, словно мерцающим слоем льда. Он медленно провёл пальцами по клейму на моём предплечье.

Должно быть, точно так же чувствует себя подкова, которую кузнец подхватывает с наковальни и опускает в ведро с водой. Мне подумалось: моя рука сейчас зашипит и от неё повалит пар. Я застоялся от облегчения. Как только маг коснулся меня,

по всей руке разлился приятный холод, который заглушил жгучую боль.

В первый раз я отважился взглянуть в лицо своему господину. Он был уже немолод, но ещё не стар. В уголках глаз собрались несколько маленьких морщинок, а на висках в каштановых, слегка вьющихся волосах, видневшихся из-под цилиндра, проглядывала первая редкая седина. У него было вполне доброжелательное лицо с прямым носом и чётко очерченным подбородком.

На меня он не смотрел, занятый новым волшебством. Начертав рукой в воздухе странный знак, он щёлкнул пальцами, и верёвки, стягивающие мои запястья, послушно упали на землю, словно он разрезал их на части невидимым ножом.

— Так лучше? — осведомился маг. Я кивнул как оглушённый. Что за вопрос? Это было просто чудесно. Запястья зудели, будто искусанные муравьями, но я снова мог свободно двигать руками. Машинально я попытался ощупать пальцами выжженную рану от клейма, но он быстро опередил меня, отведя мою руку в сторону. — Нет, если тронешь волшебство, оно рассеется.

Я взглянул на него. Он был рослый, широкоплечий, почти на полторы головы выше меня. Я всегда представлял себе магов иначе: меньше ростом, более изящными и подвижными.

Какое-то время маг тоже молча изучал меня, а потом спросил:

— Как тебя зовут?

— Кор, — с трудом обрета голос, прохрипел я.

— А дальше? — уточнил он.

— Дальше ничего. Просто Кор. — Там, откуда я родом, имена у всех короткие. Назвали — и забыли. Будто не имеет никакого смысла тратить на нас больше одного слога. Большинство обитателей бедных кварталов вообще дают своим детям имена лишь на третий год. Маленькие дети мрут как мухи.

Он кивнул, развернулся и двинулся в направлении, откуда мы пришли, но, пройдя четыре шага, остановился и оглянулся. «Пойдём», — сказал он. Вероятно, мне следовало бы смыться. Бегал я быстро. По крайней мере, раньше. С другой стороны, а что бы мне это дало? На моей руке была отчётливо видна буква «Р». Свежеиспечённый — или, правильнее сказать, свежеклеймёный — раб один на улице? Ничем хорошим это бы не кончилось. Кроме того, мой новый хозяин был магом, и у него наверняка имелись средства и способы меня удержать. Итак, я последовал за ним. Когда мы поравнялись, он снова взял в руку мою верёвку, но, как мне показалось, довольно нехотя.

Мы так долго шли по улицам на север, что, когда наконец остановились перед окрашенным в белый цвет трёхэтажным домом, уже начинало смеркаться. Это был один из самых фешенебельных городских кварталов. Мой господин не пошёл через входную дверь, а открыл тяжёлые деревянные ворота в белой стене рядом с домом. Они радостно заскрипели, словно в знак приветствия. Мы оказались во внутреннем дворе. Справа от нас был дом.

Дорогие стёкла его окон поблёскивали в свете уходящего дня. Перед домом водопроводная колонка. Слева небольшая конюшня, откуда доносилось лошадиное фырканье, а рядом я заметил маленькую хижину, где располагалась уборная. В глубине раскинулся небольшой сад, также окружённый белыми стенами высотой в два человеческих роста. Ворота за моей спиной захлопнулись, и хозяин запер их на замок. «Трёхцилиндровый, дорогой, — подумал я, слушая, как вращается ключ, — такой сразу не вскроешь». Потом хозяин подошёл ко мне, ослабил узел на моей шее и, стянув через голову петлю, небрежно отбросил её в сторону. Я вздохнул с облегчением.

Маг тщательно вымыл руки у колонки.

— Теперь ты, — сказал он, требовательно посмотрев на меня. Я сделал, как велели. Вода была холодной и освежающей. В тюрьме если нам и удавалось выпить чистой воды, то очень редко и совсем по чуть-чуть. Только сейчас я осознал, что во рту у меня пересохло, и украдкой взглянул на хозяина. Он стоял рядом и терпеливо ждал. Тогда я решился и, быстро ополоснув лицо, незаметно сглотнул несколько капель. Я выпил совсем немного, но как же это было хорошо! Маг не сказал ничего и лишь кивнул, когда я закончил. Потом сделал жест следовать за ним. Мы вошли в дом через вход со двора, прошли по коридору, миновав две двери, и поднялись по лестнице на второй этаж. Некоторые ступени тихо поскрипывали, но выглядели крепкими и надёжными. В доме, похоже, кто-то регулярно

убирался. Хозяин подвёл меня к двери напротив лестницы.

— Здесь ты будешь спать, — сказал он, пропустив меня внутрь, и запер дверь.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Похоже, что окон здесь не было. Некоторое время я стоял на одном месте, силясь понять, где нахожусь, и пытаюсь справиться со страхом темноты. Маленькая комнатка, вероятно, являлась чуланом. Я понял это, услышав, как моё прерывистое дыхание тут же отражается от узких стен. С осторожностью я стал пробираться на ощупь вдоль левой стены, но, не успев сделать и двух шагов, ударился бедром о край деревянного стола. Аккуратно обойдя его, я двинулся дальше вглубь комнаты и тут же обо что-то споткнулся и едва успел выставить вперёд руки, чтобы не удариться лицом о другую стену. Я было пошёл вдоль неё, но моя нога опять за что-то зацепилась, и, потеряв равновесие, я ударился левым боком обо что-то твёрдое. Чудесный, остужающий магический лёд на моём предплечье, похоже, разбился от удара. Рана снова болезненно заныла. Каждый стук сердца гнал волну боли вверх по руке.

Стиснув зубы, я ощупал предмет, о который ударился. Это была полка или что-то подобное. Ещё через два шага я уткнулся в стену со входной дверью. Комнатка и впрямь оказалась очень маленькой.

Я уселся на пол возле двери и облокотился спиной о стену, упёршись правым плечом в ножку стеллажа. Если не обращать внимания на боль, я расположился вполне комфортно. Мне приходилось